

Загадки антропоники А.Н. Островского: Хлынов

© Н. В. КАПУСТИН,
доктор филологических наук

В статье рассматривается семантика фамилии Хлынов, которой наделен один из самых сложных в психологическом плане персонажей А.Н. Островского.

Ключевые слова: антропонимика, Хлынов, ушкуйники, «Лодка», игра.

The article examines semantics of the Khlynov family name of one of the most psychologically complex characters introduced by A.N. Ostrovsky.

Key words: anthroponymics, Khlynov, river-pirate, «Boat», play.

Имена героев А.Н. Островского принято называть говорящими (значащими / значимыми), но, в отличие от именовании создавших «азбуку характеров» классицистов, его антропонимика способна

вызывать более сложные, порой прихотливые ассоциации. Например, те, что возникали у Ю. Олеши: «Какие замечательные фамилии в пьесах Островского. Тут как-то особенно грациозно сказался его талант. Вот маленький человек, влюбленный в актрису, похищаемую богатыми. Зовут Мелузов. Тут и мелочь, и мелодия. Вот купец – хоть и хам, но обходительный, нравящийся женщинам. Фамилия Великатов. Тут и великан, и деликатность. Перед нами соединение непосредственности находки с отработанностью; в этом прелесть этого продукта творчества гениального автора; фамилии эти похожи на цветки...Вдову из “Последней жертвы” зовут Тугина. Туга – это печаль. Она и печалится, это вдова. Она могла бы быть Печалиной. Но Тугина лучше. Обольстителя ее фамилия Дульчин. Здесь и дуля (он обманщик), и “дульче” – сладкий (он ведь сладок ей!). В самом деле, эти звуки представляются мне грядкой цветов. Может быть, потому, что одному из купцов Островский дал фамилию Маргаритов» [1].

Отмеченное Ю. Олешей «соединение непосредственности находки с отработанностью» наглядно проявляется в рукописях, изучение которых показывает, что имена своих героев Островский обдумывал особенно тщательно, не раз изменяя их на пути к окончательному тексту. Одна из наиболее выразительных в этом плане цепочек – поиски имени Виктора Аркадьича Вихорева (от более однозначных Ганц и Вольфов – к Лихареву и, наконец, Вихореву) [2].

Хотя антропонимика Островского не раз была предметом истолкования, что наиболее полно сделано В.Я. Лакшиным[3], определенные лакуны еще остаются и, вероятно, будут оставаться, по крайней мере, в особенно сложных случаях. К ним относится именование одного из наиболее глубоких, психологически емких персонажей Островского – Тараха Тарасыча Хлынова из комедии «Горячее сердце» (1869).

Хлынов – из числа самодуров Островского, но это самодур с особой психологической основой: его отклоняющийся от обычного, приобретающий резкие, порой уродливые формы тип поведения, есть не что иное, как следствие надлома и неприкаянности: «Когда все на свете приедается Хлынову – поить случайных гостей без разбора, щеголять в итальянском костюме, палить в свою честь из пушки или, впрягши летом девок в сани, по полю на них ездить, – он впадает в тоску, от которой не спасают ни затеи Аристарха, ни потехи над бариним с усами, вывезенным из Москвы, остается войти в покаянный раж и звать духовенство, чтобы наутро снова поливать дорожки шампанским» [4].

При всем своеобразии томящейся и при этом властной, деспотической природы Хлынов – предтеча скучающего, не находящего приложения своим силам Дымова из чеховской

«Степи», тоскующих фабрикантов Горького, героев Мамина-Сибиряка. И причины его тоски не столько в пресыщенности богатством, о чем обычно говорят исследователи, сколько в неосознаваемом им самим ощущении бесцельности жизни, смутном, томящем воспоминании о своей далекой родословной — той, о которой пойдет речь в дальнейшем и которая как раз и объясняет семантику его фамилии.

В.Я. Лакшин объяснял фамилию героя через слово «хлын» со значениями, которые зафиксированы в словаре В.И. Даля: «Мошенник, вор, обманщик в купле и продаже» [3. С. 471]. Это истолкование, однако, нацеливает на те качества Хлынова, которые связаны с его социальным статусом (в афише к 3-му действию он назван «богатым подрядчиком»). Но в тексте комедии нет сколько-нибудь определенных указаний на то, что Хлынов как-то причастен к мошенничеству. С ним скорее будет соотноситься содержащееся в той же статье Даля слово «бродяга», которое метафорически указывает на его неприкаянность. Необыкновенно чуткий к слову Островский мог учитывать и еще один контекст, связанный с глаголом «хлынуть». П.Я. Черных отмечал, что в русском языке «это слово широко известно с первых десятилетий XIX в. Ср. у Пушкина в стих. “К Лицинию”, 1815 г.: (о диких народах в Риме) “И хлынут на тебя кипящею рекой”» [5]. «Дикость» древних народов свойственна и Хлынову, не случайно при упоминании о том, что летом он впрягает девок в сани и ездит на них, возникает параллель с обрами из «Повести временных лет»: «Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его — обрина, — и так мучили дулебов» [6]. Однако ни существительное «бродяга», ни глагол «хлынуть» в его соотнесенности с «дикими» народами (в нашем случае с обрами) отнюдь не главные в художественной мотивировке эксцентрично-надрывного поведения Хлынова.

Еще А.И. Журавлева заметила, что хлыновские эпизоды комедии «находятся в теснейшем и сложном соотношении с мотивами народной драмы “Лодка”» [7. С. 195]. Хлынов выстраивает свое поведение, ориентируясь на поведение атамана из этой народной драмы. Близки и сюжетные перипетии: в городе он появляется «прямо по сценарию народной драмы — высаживается с лодки. Затем он (...) по-своему “нападает” на тюрьму, освобождая Васю Шустрого и забирая его в свою “разбойничью” шайку. Только вместо кровавой расправы с властями Хлынов подкупает городничего. (...) Происходит “убийство”, но не лиц, а их социальных функций» [Там же. С. 196]. Таким образом,

разбойничий мотив (вторая сцена 4-го действия), как справедливо замечает А.И. Журавлева, входит в комедию значительно раньше, вместе с мотивами народной драмы «Лодка». Но встает вопрос: чем вызвано включение в пьесу реминисценций из этой разбойничьей драмы, с чем связано ее разыгрывание?

А.И. Журавлева делала акцент на особой жанровой природе содранной Островским комедии, ее условности, одной из форм проявления которой была опора на традиции народного театра. Не отрицая этого, нужно сказать, однако, что реминисценции из «Лодки» в совокупности с фамилией Хлынов проливают дополнительный свет на своеобразие его поведения и соответственно характера.

Дело в том, что Хлынов (Вятка, впоследствии Киров) — город, одну из версий названия которого связывают со словом «хлын», что означает «ушкуйник, речной разбойник». Эта версия подвергается критике, но если она и способна вызывать возражения, то не подлежит сомнению, что Хлынов — город, возникновение и дальнейшая судьба которого, вплоть до XV века, неразрывны с ушкуйниками. Их происхождение обычно связывают с новгородской вольницей (именно новгородцами этот город и был основан). Если воспользоваться более поздней терминологией Л.Н. Гумилева, то новгородская и хлыновская вольница — «люди длинной воли», пассионарии, действовавшие зачастую не считаясь с моральными нормами (они нередко защищали родную землю, но нередко и разбойничали в ее пределах). К людям этого типа, на что указывает связь фамилии с одним из форпостов ушкуйничества, каким был город Хлынов, и принадлежит персонаж Островского.

Что касается генезиса возникшей у Островского параллели, то им могли быть сведения о Хлынове и хлыновцах в исторической литературе, которую драматург основательно изучал, создавая исторические пьесы. Город Хлынов, например, упоминается (правда, в ином контексте) в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Важнее, однако, отметить два других факта. В 1860–1861 годах в Санкт-Петербурге Н.И. Костомаров прочел курс лекций, посвященный «русским республикам» — Новгороду, Пскову и Вятке, а вскоре его капитальный труд был дважды опубликован (в 1863 и в 1868 годах). Значительное место уделено здесь и Хлынову, по характеристике выдающегося историка, главному городу Вятской земли, где «больше, чем где-нибудь, распространено было ушкуйничество» [8]. Другой возможный источник осведомленности Островского — появившаяся в 1846 году публикация писателя и лексикографа М.Н. Макарова «Московское урочище Хлынов», в которой высказано мнение, что расположенное неподалеку от Москвы поселение получило свое

название от беспокойных жителей города Хлынова, переселенных сюда еще в XV веке (в данном случае неважно, соответствует ли это мнению истине, поскольку Островский мог воспринять его как непреложный факт).

Таким образом, если невообразимое для патриархального мира богатство Хлынова можно назвать «знамением нового времени» [7. С. 194], то его «родословная» указывает на глубокую укорененность этого психологического типа в русской жизни, восходящего к далеким временам хлыновского ушкуйничества. Отсюда и фамилия героя, и его имя – Тарах Тарасыч (в переводе с греческого Тарах означает «волнение», «страх», Тарасий – «беспокойный»), и его игра в атамана народной драмы «Лодка». Но истоки трагической неприкаянности героя Островского в том, что это именно *игра* с ее отрывом от мира реальности, что ощущает сам Хлынов, не находящий себе места в томящей своей бесцельностью жизни.

Литература

1. *Олеша Ю.* Зависть; Три толстяка; Ни дня без строчки. М., 1989. С. 406.
2. *Капустин Н.В.* Комедия А.Н. Островского «Не в свои сани не садись»: поиски имени // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 3 (7). С. 3–8.
3. *Лакшин В.* Из значимых имен и фамилий // Островский А.Н. Сочинения. В 3 т. М., 1987. Т. 2.
4. *Лакшин В.Я.* Театральное эхо. М., 2013. С. 439.
5. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. 5-е изд. М., 2002. Т. 2. С. 344.
6. Повесть временных лет // Повести Древней Руси: XI–XII века. Л., 1983. С. 128.
7. *Журавлева А.И.* А.Н. Островский-комедиограф. М., 1981.
8. *Костомаров Н.И.* История Новгорода, Пскова и Вятки во время удельно-вечевого уклада: (севернорусские народоправства). СПб., 1868. Т. 1. С. 246.

Ивановский государственный университет